

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 1. С. 34–74.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 9, no. 1 (2025): 34–74.

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-2>

<https://elibrary.ru/vwlzwm>

Особенности знахарских практик в среде крестьян и горожан XVIII–XIX вв. по материалам следственных дел Нижегородской губернии

Нина Владимировна Старикова✉

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,

Нижний Новгород, Россия,

ninast78@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-6631-0296>

Nina V. Starikova✉

Nizhny Novgorod State Pedagogical University,

Nizhny Novgorod, Russia,

ninast78@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-6631-0296>

Михаил Юрьевич Шляхов

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,

Нижний Новгород, Россия,

mik-shlyakhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4398-4391>

Mikhail Yu. Shlyakhov

Nizhny Novgorod State Pedagogical University,

Nizhny Novgorod, Russia,

mik-shlyakhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4398-4391>

Аннотация. Статья посвящена изучению распространения и бытования знахарских практик в народной среде российской провинции, а именно, в Нижегородской губернии, на протяжении XVIII и XIX столетия. Работа построена на анализе архивных неопубликованных источников, представляющих собой материалы следствия. Следственные процедуры на протяжении указанного периода проводились разными органами, что влияло на полноту и сохранность материалов, а также на интерпретацию преступления и определение наказания. Авторы дают характеристику следственных дел, анализируют причины, инициировавшие следственную процедуру, характеризуют фигурантов дела, акцентируя внимание на обвиняемых и формулировке обвинения, отмечают изменения в

© Старикова Н.В., Шляхов М.Ю., 2025

© Starikova N., Shlyakhov M., 2025

подходе законодателя к преступлениям подобного рода. В материалах статьи охарактеризована ситуация с развитием медицинских учреждений в Нижегородской губернии, которая, по мнению авторов, повлияла на длительность и устойчивость там знахарских практик. Выявлены причины обращения к знахарству и его формы, определены вспомогательные вещества и предметы, использовавшиеся знахарями. Также впервые публикуются некоторые заговорные тексты, содержащиеся в распросных речах и экстрактах. Обращение к следственным материалам позволяет изучить уникальную информацию на микроисторическом уровне, проследить отражение глобальных исторических процессов на периферийных провинциальных территориях.

Ключевые слова: знахарство, народная медицина, лекари, лекарские средства, волшебство, колдовство, порча, следствие, преступление

Для цитирования: Старикова Н.В., Шляхов М.Ю. Особенности знахарских практик в среде крестьян и горожан XVIII–XIX вв. по материалам следственных дел Нижегородской губернии // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 1. С. 34–74, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-2>; EDN: VWLZWM

Features of Healer Practices among Peasant and Urban Population in the 18th–19th Centuries Based on the Materials of Investigative Cases of Nizhny Novgorod Governorate

Abstract. The article is devoted to the spread and existence of healing practices among the people of the Russian province, namely the Nizhny Novgorod province, over a long period of time, including the 18th and 19th centuries. The study is based on the analysis of archival unpublished sources representing investigation materials. During the period under study, investigative procedures were carried out by different authorities, which influenced the completeness and safety of materials, as well as the interpretation of the crime and the determination of punishment. The authors characterize investigative cases, analyze the reasons that initiated the investigative procedure, characterize the persons involved in the case, focusing on the accused and the wording of the charges, and note changes in the legislator's approach to crimes of this kind. The article describes the situation with the development of medical institutions in the Nizhny Novgorod province, which, according to the authors, influenced the duration and sustainability of healer practices. The reasons for turning to witchcraft and its forms are identified, auxiliary substances and objects used by witch doctors are identified. Also, some conspiracy texts contained in the investigation materials are published for the first time. Turning to investigative materials allows us to see unique historical material at the microhistorical level and to trace the reflection of global historical processes in peripheral provincial territories.

Keywords: witchcraft, traditional medicine, healers, medicines, magic, witchcraft, damage, investigation, crime

For citation: Starikova, N.V., and M.Yu. Shlyakhov. "Features of Healer Practices among Peasant and Urban Population in the 18th–19th Centuries Based on the Materials of Investigative Cases of Nizhny Novgorod Governorate." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 1 (2025): 34–74, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-1-2>; EDN: VWLZWM

Введение

История медицины является одним из направлений исторического знания и включает исследования по становлению системы медицинских учреждений, развитию теории и практики медицины как науки, эволюции лекарственных средств, биографиям отдельных персоналий и профессиональным медицинским кадрам в целом. Однако данное направление не может ограничиваться только вниманием к становлению профессиональной, академической медицины. В условиях слабого развития системы медицинских учреждений и отсутствия квалифицированных кадров в провинциях Российской империи на протяжении многих столетий единственной доступной лечебной практикой для большинства населения оставалась народная медицина. В связи с этим формы ее бытования, способы применения и распространения заслуживают отдельного внимания исследователей. Наиболее популярной формой народной медицины на периферии Российской империи в течении XVIII–XIX столетий являлось знахарство (процедура, опиравшаяся на заговорные и заклинательные тексты).

Знахарство и связанные с ним действия становились предметом следствия как ввиду того, что их результатом явилось нанесение материального ущерба или вреда здоровью человека, так и из-за их предполагаемой связи со сверхъестественными, волшебными или магическими силами. Зафиксированные и описанные в процессе следствия случаи и стали предметом данного исследования. Обращение к данному источнику позволяет с разных сторон изучить бытование знахарских практик среди крестьянского и городского населения губернии, выявить случаи обращения к знахарям, средства, использовавшиеся ими, определить отношение к подобной практике со стороны населения и власти, а также установить причины длительного бытования данного явления.

Материалы следствия как источник по народной религиозной культуре и общественному сознанию стали объектом исторического анализа еще во второй половине XIX в. Исследование колдовства и «волшебных» процессов имеет сложившуюся традицию и обширную историографию. В данной статье мы ограничимся лишь общей характеристикой вех историографии данной темы и работ, для которых главным источником стали, прежде всего, материалы следствия. Во второй половине XIX столетия внимание историков в процессах о колдовстве привлекала их возможная политическая подоплека, отразившаяся в делах фондов Преображенского приказа и Тайной канцелярии. Г.В. Есиповым, М.И. Семевским и рядом других историков были введены в научный оборот некоторые следственные материалы XVII–XVIII вв.¹

¹ *Есипов Г.В.* Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского Приказа и Тайной Канцелярии. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1880; *Семевский М.И.* Очерки и

Н.Я. Новомбергский обратил внимание на связь народной медицины и представлений о магии в народной среде². Исследователи сравнивали причины и ход западноевропейской «охоты на ведьм» с российской ситуацией, делая выводы о сходных и особенных чертах³. Изучению отношения к колдовству в народной среде были посвящены исторические очерки М.А. Орлова и Н.И. Костомарова⁴.

В постреволюционное время интерес к изучению народной религиозности угас. Его возобновление связано, прежде всего, с именем Н.Н. Покровского, анализировавшего ведовские процессы в контексте трансформаций социально-политической культуры XVII–XVIII вв.⁵ В пространстве постсоветской науки весьма значимый вклад в изучение колдовских процессов внес А.С. Лавров, рассматривавший их в контексте развития религиозного сознания в целом, с привлечением материалов Тайной канцелярии и Преображенского приказа, а также данных этнографических описаний и экспедиций. Особый акцент в его исследовании сделан на эклектичном характере народного религиозного мировоззрения как характерной черте начала Нового времени⁶. Данное исследование было ограничено хронологическими (1700–1740 гг.) и территориальными рамками (следственные материалы центральных сыскных органов Санкт-Петербурга и их отделов в Москве). В заключении историком был поставлен вопрос о возможности сравнительного анализа картины религиозного мировоззрения центра и провинции.

Огромный пласт следственных материалов по «волшебным» делам XVIII в. был введен в научный оборот Е.Б. Смилянской⁷. На основе изученных источников она впервые предложила классификацию религиозных преступлений и их типологизацию по сословной принадлежности фигурантов

рассказы из русской истории. Слово и дело! 1700–1725. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1884.

² *Новомбергский Н.Я.* Врачебное строение в до-Петровской Руси. Томск: Паровая типо-литография Сибирского Товарищества Печатного Дела, 1907.

³ *Канторович Я.А.* Средневековые процессы о ведьмах. Москва: Книга, 1990; *Горчаков М.И.* Инквизиция в восточной церкви // Юридическая летопись. 1891. № 12. С. 491–504.

⁴ *Орлов М.А.* История сношений человека с дьяволом. Санкт-Петербург: Типография П.Ф. Пантелеева, 1904; *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. Санкт-Петербург: Типография К. Вульфа, 1860.

⁵ *Покровский Н.Н.* Путешествие за редкими книгами. Москва: Книга, 1984.

⁶ *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. Москва: Древлехранилище, 2000.

⁷ *Смильская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. Москва: Индрик, 2003.

дел. Особой заслугой ее исследования стало изучение документов следствия в тесной связи с развитием общественного сознания России XVIII столетия.

В последние десятилетия появились работы, внесшие весомый вклад в изучение данной темы – от исследования различных аспектов процессов над колдунами, до семантико-лингвистического и исторического анализа заговорных текстов, демонологии и представлений о демоническом в народной среде, о связи магии и лекарских практик, о соотношении магии и христианства, магии и язычества⁸.

Основная часть

В Центральном архиве Нижегородской области в фондах Духовной консистории, Нижегородского совестного суда, Нижегородской палаты уголовного суда, Нижегородского окружного суда отложились дела, дающие богатый материал для изучения на микроисторическом уровне явления знахарства.

Состав подобных дел менялся в зависимости от следственного органа и времени, но в целом, их структура оставалась схожей. В течение 30–80-х гг. XVIII столетия дела о знахарстве вела Духовная консистория. Следствие инициировалось доношением или рапортом, фиксирующим факт преступления. Далее следовали наказания, или указы, инициировавшие розыск, т.е. начало следствия; памяти, или переписка между учреждениями по вопросам, связанным с фигурантами следствия (своего рода запросы); материалы допроса, или распросные речи; экстракт – подробная выписка о преступлении и следствии, сделанная для суда, и решение по делу. Если следствие передавалось в другую судебную инстанцию, то процесс следствия в ней дублировался и составлялся аналогичный комплекс документов. В материалах обязательно указывалось, как велся допрос – с «пристрастием», «под плетями» или «со священническим увещанием». С 70-х гг. XVIII в. следствием по данным преступлениям занимался Совестный суд, в котором дело открывалось уведомлением или представлением, направленным из другого следственного органа, как это было положено, если в следствии

⁸ In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 6 / составители Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Москва: Индрик, 2017; Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / составитель А.Л. Топорков. Москва: Индрик, 2010; Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. Москва: Индрик, 2005; Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / под редакцией А.Л. Топоркова, А.А. Турилова. Москва: Индрик, 2002; Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России / перевод с английского А.Л. Топоркова, З.Н. Исидоровой. Москва: Индрик, 2004; Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. Москва: Индрик, 2010.

фигурировали колдовство, знахарство, волшебство и т.д. К представлению прилагался список судебного дела с подробным описанием ситуации. Если заседателей Совестного суда по каким-либо причинам не устраивало качество полученной информации, то в следственный орган направлялось предложение, содержащее подробные инструкции к процессуальным процедурам, которые местная судебная инстанция должна была выполнить и направить в Совестный суд новый список дела. К списку прилагались копии материалов следствия (допросы, экспертиза и т.д.). Далее составлялся экстракт для слушания дела, на основании которого выносилось мнение, т.е. решение суда. В пореформенный период следствием занимались участки окружного суда. Все дела из участков поступали на ревизию в головную инстанцию, т.е. в окружной суд, и содержали рапорт участка (уездного суда), список дела, материалы по делу, в том числе протоколы допросов, обысков, данные экспертизы, список присяжных и состав суда, протокол судебного заседания с решением по делу. К сожалению, следственные материалы не всегда позволяют проследить весь процесс от происшествия до судебного решения. Некоторые дела содержат только переписку между канцеляриями разных судебных учреждений, иногда сопровождавшуюся рядом других, «вспомогательных» документов, направленных на поиск фигурантов следствия или сбор и предоставление информации о них. Однако и эти обрывочные сведения содержат ценную информацию о причинах следствия и об отношении государства к знахарству как к явлению, напрямую связанному с колдовством, а затем, в эпоху Просвещения, – с мошенничеством. В подавляющем большинстве изученных нами дел формулировка обвинения сводилась к ворожбе, колдовству или чародейству, которые иногда были сопряжены с другими видами преступлений, что обуславливало специфику следствия и компетенцию судебных органов. До 1775 г. следствие по таким делам регулировалось Артикулом воинским⁹, Морским уставом (уточним, что данные законодательные акты применялись в гражданских судах вплоть до 1775 г.)¹⁰, Духовным регламентом 1721 г., синодским указом от 4 сентября 1722 г.¹¹, указом от 25 мая 1731 г.¹², синодским

⁹ Артикул воинский. Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под редакцией А.Г. Манькова. Москва: Юридическая литература, 1986. С. 327–365.

¹⁰ Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море. Санкт-Петербург: В Санктпетербургской типографии, 1720.

¹¹ № 4081. – Сентября 4. Синодский. – Об инстанциях Духовного Суда и о делах духовного ведомства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее – ПСЗ–I). Т. VI. 1720–1722 гг. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 761–767.

указом от 25 ноября 1737 г.¹³ Необходимо упомянуть, что за подобные преступления законом предусматривалось суровое наказание, вплоть до сожжения, однако, на практике оно не применялось. Суд ссылался на содержащееся в Воинских процессах требование достаточной доказательной базы, которая отсутствовала в «колдовских» делах. После судебной реформы 1775 г. колдовство, ворожба, знахарство были переданы в компетенцию Совестного суда, действовавшего на основании 399-й статьи Учреждений для управления губерний Всероссийской империи и рассматривавшего колдовство как суеверие, невежество и обман¹⁴. В 1796–1801 гг. следствие по «волшебным» делам вели местные уездные суды, а в пореформенный период – окружной суд, действовавший на основании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных¹⁵.

Изученные нами материалы следствия позволяют проследить и выявить причины использования знахарских практик. Во-первых, сельские и слободские жители обращались к знахарям, чтобы получить лечение для себя, своих близких или домашней скотины. Во-вторых, наблюдается и обратная тенденция, выраженная в обращении к ворожеям и колдунам, чтобы нанести вред здоровью односельчанина. Иногда знахарь «насылал порчу» по собственному желанию. В-третьих, «к магическим» силам прибегали для того, чтобы через словесную формулу или специальные вещества защитить себя от чего- или кого-либо. В данной статье мы не рассматриваем случаи кликания (вхождения в специальным образом измененное сознание) – чародейства или волшебства, направленного на поиск пропажи, достижение цели, снискание благорасположения вышестоящих лиц или оправдание социального поведения, например, самовольной отлучки с места жительства.

Случаи обращения к знахарским практикам как к наиболее доступной форме лечения зафиксированы во многих судебных делах. Одним из наиболее ранних является «Дело по доношению из канцелярии лейб-гвардии конного полка», начатое в феврале 1747 г. Процесс следствия был инициирован сибирской провинциальной канцелярией лейб-гвардии конного полка в связи с найденными у рейтара Федора Аничкова «волшебными богопротивными

¹² № 5761. – Мая 25. О наказании за призвание волшебников и о казни таковых обманщиков // ПСЗ–I. Т. VIII. 1728–1732 гг. С. 465–466.

¹³ № 7450 – Ноября 25. О пресечении суеверий // ПСЗ–I. Т. X. 1737–1739 гг. С. 361–364.

¹⁴ № 14.392. – Ноября 7. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи часть первая // ПСЗ–I. Т. XX. 1775–1780 гг. С. 229–287.

¹⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Дополнено по Продолжению 1868 г. и позднейшим узаконениям) с разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. Санкт-Петербург: Типография А. Траншеля, 1869. С. 52–70.

письмишками»¹⁶. В ходе допросов выяснилось, что в 1744 г. Федор Аничков через чувашского толмача познакомился с дворовым человеком бригадирши вдовы Ирины Леонтьевой Аврамом Кононовым, который умел лечить от разных болезней и при нем вылечил от лихорадки некоего Степана Васильева, привязывая на крест «росный ладон» – редкую смолу коры некоторых тропических деревьев. У него рейтар списал заговор от лихорадки, найденный впоследствии. От Коконова Аничков слышал, что госпожа его, бригадирша вдова Ирина Леонтьева, имеет поместье в Алатырском уезде Нижегородской губернии, но названия селения не запомнил. В связи с этим из канцелярии лейб-гвардии конного полка поступил «запрос» (память) в Нижегородскую духовную консисторию о поиске и допросе Аврама Коконова. Епископ Нижегородский и Алатырский Вениамин наказной памятью учредил розыск в Алатырском уезде и постановил «означенного волшебника Коконова под крепким караулом» вместе с выборным старостой того села доставить в консисторию для допроса. Поиск нужно было вести по церковным ведомостям, т.е. по ведомству епископа Вениамина, а о результатах священнослужители обязывались рапортовать в консисторию. Кроме того, Вениамин направил промеморию (запрос) в Алатырскую провинциальную канцелярию для поиска сведений о поместье вдовы Ирины Леонтьевой и о ее дворовом человеке по сказкам прошедшей и нынешней ревизии. Согласно присланным рапортам и промемории из Алатырской провинциальной канцелярии, вотчин вдовы Ирины Леонтьевой в Алатырском уезде не нашлось, как и Аврама Коконова. На этом материалы дела прекращаются. Однако даже из таких неполных следственных материалов мы получаем сведения о лечении лихорадки «росным ладонем», которое явно сопровождалось словесной заговорной формулой (переписанный заговор значится в деле) и действием – привязыванием ладана на крест.

Дело, начатое Ардатовским уездным судом в 1798 г. и завершенное в Краснослободском уездном суде в 1799 г., об экономическом крестьянине села Прудошек Финогене Коблове, судимом за «чинимую им ворожбу», сохранило более подробные сведения о лечении посредством наговоров на воду и вино, а также содержание специальных словесных формул¹⁷. В апреле 1798 г. экономический крестьянин Финоген Коблов, получив паспорт в местной казенной канцелярии, вместе со своим товарищем нанялся на работу на барки, сплавать казенный лес. Сплавившись до Балахны, получив расчет от «военного командира» и забрав свой паспорта, Коблов с односельчанином

¹⁶ Дело о колдовском письме // Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 570. Оп. 533. Д. 3. Л. 2–24.

¹⁷ Дело об экономическом крестьянине села Прудошек Финогене Коблове, судимом за чинимую им ворожбу // ЦАНО. Ф. 874. Оп. 696. Д. 167. Л. 3–19.

пошли сначала в губернский город Нижний Новгород, а затем в Арзамас. По «арзамасскому тракту» через Саровскую пустынь товарищ Коблова пошел домой, а он сам, оставив свой паспорт у односельчанина, направился в село Кашелиху к знакомому крестьянину Елисею для лечения «имеющейся у него в болезни скотины». При этом в материалах допроса зафиксировано, что сам Финоген отметил, что давно занимается лечением «по искусству его в колдовстве», т.е. поскольку умеет колдовать. В этой же деревне его позвали излечить крестьянина из деревни Лихачек, находившегося в то время в Кашелихе. Коблов лечил того наговорами на вино и, взяв за лечение рубль, пошел в село Кременки к знакомому крестьянину Максиму для ночлега. Там Финоген Коблов лечил наговорами на воду больную женщину, за которую просил ее муж, незнакомый Коблову крестьянин. В это время лекаря схватили люди из господского дома, управляющий и сотский, и отправили в суд. После допроса в Ардатовском суде выяснилось, что по территории проживания подсудимый относится к Краснослободскому уездному суду, куда его и направили под караулом в сопровождении десятского Ивана Максимова. Однако в пути Финоген Коблов сбежал и направился в свою деревню, где его и отыскивали по распоряжению уже Краснослободского уездного суда. В подробном экстракте дела содержится два заговора:

1) От дома его стоит белый камень господень до неба на воздух, сам господь от того от камня нарождался, венцом господним заключался, от того венца сам господь от нечистых духов и от еретиков заключался. Аминь. 2) от сглаза, от вихря и от ветра. Сам господь воскресился, воскреснет бог, расточается врази его, избавляет от еретиков и от супостатов стоит с небес сам господь, отпускает дух господень, на трех камнях сам господь восстанавливается, сам господь венком обвивает своим крестом, заключается своими ангелы господни, сохраняет от вихря от ветра и от глаза. Аминь¹⁸.

По утверждению самого Финогена Коблова эти заговоры он считал молитвенными, поскольку в них содержалось обращение к господу, а не к «темным силам». Эти слова были выучены крестьянином наизусть шесть лет назад в Коломне от старика Василия. С их помощью, наговаривая на воду и вино, Коблов лечил людей (преимущественно мужчин) и скот из соседних деревень и сел, поскольку все знали, что он владеет искусством знахарства, и обращались к нему за помощью. Подсудимый не мог точно вспомнить, какое количество людей он «врачевал», что косвенно свидетельствует о массовом

¹⁸ Дело об экономическом крестьянине села Прудошек Финогене Коблове, судимом за чинимую им ворожбу // ЦАНО. Ф. 874. Оп. 696. Д. 167. Л. 5.

характере его «лекарской» практики. На это же обстоятельство указывает и факт проделанного им путешествия из Балахны к месту своего жительства – от дома к дому, где он «лечил» нуждавшихся в этом крестьян. Строго установленной стоимости за подобные услуги у него не было, поэтому Коблов брал с крестьян «по их возможности», видимо, сколько дадут. За ворожбу и побег из-под стражи суд постановил «учинить ему Коблову нещадное наказание плетьюми при собрании мирских людей» и отправить на церковное покаяние¹⁹.

Тексты заговоров – редкая находка, поскольку их предписывалось сжигать после заучивания. Тем интереснее для изучения сохранившиеся материалы. В 1840 г. в Нижегородском совестном суде слушалось дело по обвинению крестьянина села Бронского Ивана Дулепова в ворожбе²⁰. С помощью наговоров на соль он лечил домашний скот. Об этом знали в деревне и обращались к знахарю за помощью. Однако помочь удавалось не всем. Одна из неудач инициировала следствие, проводившееся Нижегородским совестным судом. На допросе Иван признался, что от отца и деда знает специальные слова, которые надо произнести над солью и затем втереть ее в спину или засыпать в ухо хворой скотины. Приведенные в деле заговорные слова имеют форму молитвы:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь. Благослови раба своего (имя рек) от притки отговорить лошадь такую-то, шерсть и все примети, притка денна и полуночна и утренна и полуутренна, часовая и получасовая, поди ты притка во далече в чистое поле, во далече в чистом поле стоят столы дубовые, на столах стоит еда сахарная и пойла медвяные, не станешь ты притка есть яства сахарные и пойла медвяные, сойдет Михаил-архангел с неба и зарежет тебя и пустит тебя в океан-море, в океан-море положит тебя под бел горяч-камень, засыплет тебя хрящами и занесет тебя песками и во веки веков аминь, аминь, аминь²¹.

В данном тексте в поэтической форме представлена смесь христианских и дохристианских символов. «Стол дубовый», «еда сахарная», «пойла медвяные» отсылают к устному народному творчеству и древним сказаниям. Кормление болезни, по-видимому, отражало попытку задобрить ее, а сама болезнь в народном сознании представлялась в виде одушевленного существа, которое пытались сначала задобрить угощениями, а затем победить, буквально

¹⁹ Дело об экономическом крестьянине села Прудошек Финогене Коблове, судимом за чинимую им ворожбу // ЦАНО. Ф. 874. Оп. 696. Д. 167. Л. 19.

²⁰ Дело по обвинению в ворожбе // ЦАНО. Ф. № 133. Оп. 121а. Д. 40. Л. 11 об.

²¹ Там же. Л. 9 об.

уничтожить («зарезать») с помощью божественных сил. «Бел горюч камень», «океан-море», «хрящи» и «пески» символизировали в данном тексте сдерживающую, защитную функцию. Сам текст заговора являлся своеобразным амулетом, способным изменить окружающее пространство и повлиять на тело человека²².

С помощью наговоров на соль, воду и вино лечили лихорадку, притку (т.е. болезнь, полученную от сглаза), падучую, килу (опухоль, грыжу), пьянство. Так, в 1843 г. к крестьянину Шемягину обратилась его односельчанка Гостева с просьбой отучить ее мужа Василия Гостева от злоупотребления алкоголем. Для этой цели подсудимый наговорил на стакан с Ерофеичем (крепкой настойкой) и отдал его Василию под видом угощения, после чего тот «занемог». В ходе следствия были опрошены местные жители, и крестьянин Ночугин показал, что ранее Шемягин с помощью заговоров лечил от «падучей» его сестру. Однако, по свидетельству односельчан, ворожба его не сбывалась. Суд постановил Шемягина отпустить, т.к. прямых доказательств его вины не было²³.

Некоторые материалы содержат интересные сведения о веществах, используемых для лечения, и лекарственных методах. В 1847 г. в Княгининском уездном суде было рассмотрено дело о беглом дезертире Иване Малахове и о солдатке женке Анне Гавриловой Морковиной²⁴. По содержащимся в деле протоколам, запросам и выпискам удалось в полном объеме восстановить обстоятельства происшествия. Отставной солдат Андрей Филиппов Морковин, имевший награды за службу – ордена св. Георгия и св. Анны и медали (за Персидскую и Турецкую кампании), – проживал вместе со своей женой Анной Гавриловой в Завражской слободе Княгининского уезда. Он служил в местной полиции будочником, домой приходил редко. На своем дворе он выстроил конюшню и поставил в ней печку, топившуюся по-черному. Данное обстоятельство слободским жителям казалось очень подозрительным. Кроме того, соседей Морковиных пугало и настораживало, что в их дом ходят разные незнакомые люди и часто остаются ночевать, а по ночам с их двора слышны шум, крики и ругань. Местные жители донесли голове Княгининского уездного отделения Павлу Курицыну об опасности пожара из-за сложенной в конюшне Морковина печки. Голова вместе с казенным старостой и другими слободскими жителями совершили обыск в доме солдата, во время которого были найдены беглый дезертир Иван Марахонов и две крестьянские женки – Марья Ракутина и Надежда Николаева. Всех задержали и вместе с солдаткой отправили в

²² Шестеркина Н.В. Сакральный текст как лингвокультурный феномен // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 151–156.

²³ Дело о ворожбе крестьянина Шемягина // ЦАНО. Ф.133. Оп.121. Д. 183. Л. 20

²⁴ Дело о солдатской женке Анне Гавриловой и беглом дезертире // ЦАНО. Ф. 176. Оп. 94а. Д. 171. Л. 10.

княгининский тюремный замок. Фигуранты дела были допрошены «со священническим увещанием». Протоколы допросов раскрывают много деталей и обстоятельств, однако нам интересна лекарская практика солдатки Анны Гавриловой Морковиной. Она призналась, что занималась лечением венерических болезней с помощью зеленого купороса (сульфат железа), киновари (сульфит ртути) и всяких трав, названия которых не помнит. Лечила она людей разного звания (помнила не всех) следующим образом: жгла на огне киноварь и сажала на этот пар или дым больных, поила их травяными отварами, а из купороса делала мазь и мазала зараженные места²⁵. Следствием был сделан запрос в Нижегородскую врачебную палату, откуда получили ответ, что киноварь и зеленый купорос принадлежат к сильнодействующим веществам, а потому их неосторожное применение может нанести вред здоровью человека. За «незаконное лечение» Морковина была наказана розгами (30 ударов) и двухлетним надзором полиции²⁶.

В представлении сельских и городских обывателей того времени владение знахарским мастерством имело две стороны. Тот, кто умел лечить людей, мог их и «испортить», т.е. нанести вред здоровью. В 1764 г. нижегородский коллежский регистратор Андрей Протопопов донес в Нижегородскую полицейскую контору на свою дворовую Анну Миронову, обвиняя ее в порче своей жены²⁷. Полицейская контора направила промеморию в духовную консисторию, которая и занялась следствием. Анну Миронову допрашивали дважды (повторно «под плетью»), и оба раза она показала следующее. Служила она в доме Протопопова у его жены Дарьи Васильевой с тех пор, как была выдана замуж за Степана Ферапонтова, дворового человека коллежского регистратора Андрея Протопопова. От хозяйки никаких нареканий никогда не было. Дарья Васильева в награду подарила ей два кокошника. Остальную одежду (кроме обуви и верхней одежды) она приобрела «от работы своей». Однажды Степан, муж Анны, заявил, что он не является крепостным Протопопова, а принадлежит совсем другому человеку, о чем с помощью уличного школяра, владевшего грамотой, написал в нижегородскую полицейскую контору и, естественно, был там задержан до выяснения обстоятельств. Анна, чтобы содержать мужа в заключении, часть своей одежды продала. К следствию был привлечен и сам Протопопов, который, видимо для собственной защиты, обвинил Анну Миронову в краже сарафанов и кокошников у своей жены и в том, что крестьянка испортила его жену Дарью,

²⁵ Дело о солдатской женке Анне Гавриловой и беглом дезертире // ЦАНО. Ф. 176. Оп. 94а. Д. 171. Л. 11–11 об.

²⁶ Там же. Л. 20–22.

²⁷ Дело по обвинению в порче крестьянской женки Анны Мироновой // ЦАНО. Ф. 570. Оп. 554. Д. 166. Л. 1–1об.

вследствие чего у них не было детей. В ходе обыска у Анны нашли мускатный орех, калган, имбирь, медвежий коготь, сазаний зуб, белену²⁸. Со слов обвиняемой, мускатный орех, калган и имбирь она получила от своей хозяйки для лечения «животной скорби», т.е. болезни желудка и кишечника, а медвежий коготь отрезала от хозяйской медвежьей шкуры для лечения от лихорадки. Сазаний зуб и белену от зубной болезни она получила от крестьянской женки Благовещенской слободы. «Колдовства к человеческому смертельному де никакого она не имела» и никого не портила, а все вышеперечисленное держала у себя исключительно для своих собственных нужд. В данном деле интересен сам факт обвинения в ворожбе и порче, исходившего от городского человека, чиновника, служившего коллежским регистратором. Подобные дела дают интересный материал для анализа общественного сознания российской провинции эпохи Просвещения. Информативен также перечень «лекарств» и соответствовавших им болезней. Видимо, приведенный набор может указывать на наиболее распространенные в то время проблемы со здоровьем.

Несколько иную картину рисует дело 1843 г., рассматривавшееся в Сергачском уездном суде, о крестьянке села Кожина Наталье Карповой²⁹. Однажды, вернувшись с молотьбы, она съела кусок хлеба с солью, которую взяла из стоявшей на столе солонки, сразу после чего почувствовала боль в животе и слегла. Болезнь ее продлилась до января, когда к ней пришла соседка Авдотья Остафьева и сообщила, что это она принесла в дом Натальи соль, которая была заговорена солдаткой Матвеевой. Авдотья снова обратилась к солдатке, теперь уже с просьбой снять с больной сглаз, а через некоторое время принесла Наталье еще немного соли, съев которую, та сразу почувствовала облегчение. Однако муж Карповой, узнав о причине болезни жены, донес на Матвееву сельскому старосте. Во время допроса Авдотья Остафьева призналась, что просила солдатку Матвееву излечить больную Наталью Карпову, поскольку знала, что та занимается знахарством, лечит людей и домашнюю скотину, при этом она отрицала свою причастность к порче. Матвеева же признала, что лечит, т.е. снимает сглаз и порчу с женщин и скота путем наговоров на соль, однако полностью отрицала, что имела намерение использовать заговоренную соль во вред Наталье Карповой. Солдатка пояснила, что заговаривает соль молитвами и исключительно для лечения. Суд постановил, что за ворожбу Матвееву следовало бы наказать. Однако, относя знахарство и магию исключительно к невежеству, Матвееву от суда

²⁸ Дело по обвинению в порче крестьянской женки Анны Мироновой // ЦАНО. Ф. 570. Оп. 554. Д. 166. Л. 4 об.

²⁹ Дело по обвинению в порче солдатки Матвеевой // ЦАНО. Ф. 133. Оп. 121а. Д. 153. Л. 10.

освободили, взяв подписку, что она обязуется больше никого от порчи и сглаза не лечить³⁰. Этот случай раскрывает отношение сельских обывателей к лечению и болезни. Проблемы со здоровьем ими относились к вмешательству сверхъестественных, «темных» сил, а врачевание воспринималось избавлением от действия злых духов.

Для общественного мнения было неважно, считает ли сам человек себя знахарем, носителем магических сил, умеющим лечить или насылать порчу, сглаз, подсаживать килу. Для подобных обвинений достаточно было людской молвы. В 1871–1873 гг. в Лукояновском участке Нижегородского окружного суда рассматривалось дело, начатое по жалобе крестьянина села Трегубовки Андрея Егорова Егина, 48 лет. Он сообщил, что на сельском сходе крестьянин той же деревни Иван Ишполитов Левин назвал Егина колдуном, объявив, что тот испортил его сестер Устинью и Авдотью, одной «привязав нутрянную килу», а второй «на глаз»³¹. Егин был избит на этом сходе, и Левин ему угрожал убийством. В свою очередь от сельского мира была составлена жалоба, в которой односельчане поддержали обвинение Левина. По этому делу были опрошены жители Трегубовки и некоторых соседних сел. По показаниям большинства из них, Андрей Егоров Егин был колдуном и занимался наведением порчи и сглаза, потому что еще его дед слыл колдуном и об этом было всем известно. Отрицание этого факта самим Егиным для деревенских жителей значения не имело. Из протокола допроса Андрея Егорова Егина:

В колдовстве я не виноват, этим не занимаюсь. По деревне же зовут меня колдуном, потому что, как я слышал, мой дедушка занимался колдовством и слыл у всех за колдуна <...> а если я и говорю какие заговоры, то только, чтобы от меня отстали³².

Во время допроса Егин описал случай, произошедший с ним 4 года назад, когда он пришел в дом к своей соседке Прасковье. В это время у нее болел дед, лежал с распухшей шеей. Прасковья беспокоилась, что дед умрет, а Егин ее успокоил, сказав, что «бог милостив, авось и пройдет». Через два дня опухоль на шее действительно прошла, и дед выздоровел. После этого случая Прасковья стала считать и говорить по деревне, что Андрей Егин «отворожил» от ее деда килу³³. Под киллой, судя по всему, понималась любая опухоль или грыжа. Протоколы

³⁰ Дело по обвинению в порче солдатки Матвеевой // ЦАНО. Ф. 133. Оп. 121а. Д. 153. Л. 57.

³¹ Дело о крестьянине деревни Трегубовки, обвиняемом в колдовстве // ЦАНО. Ф. 179. Оп. 639. Д. 161. Л. 1–2 об.

³² Там же. Л. 11–11 об.

³³ Там же. Л. 12.

допросов односельчан содержат подробности о вредоносной ворожбе Егина. Устинья Ипполитова Линяева, 20 лет, показала, что два года назад пришла она из дома свекра в гости к своей матери и встретила с Егиным, который лишь взглянул на нее и сказал, что она попала в хороший дом. С тех пор Линяева чувствовала боль в животе, которая не проходила. Больная посчитала, что это Егин «подсадил ей нутрянную килу». Устинья рассказала, что ее возили к разным ворожеям, но лучше не становилось. Андрей Егин отговаривал ее родных от использования услуг ворожей и знахарей, говоря, что это бесполезно, но и сам лечить отказывался³⁴. Ульяна Левина 25 лет рассказала, что 4 года назад, во время Светлой Пасхи, ее домашние ушли из дома, а она, оставшись одна, легла спать. Проснувшись ночью, она увидела в избе Андрея Егина, сидевшего на лавке возле ее волосника и шевелившего руками. Левина испугалась, попыталась спросить ночного визитера, зачем он пришел, но тот убежал. Утром Ульяна нашла свой волосник «весь завязанный узлами». Тут же молодая женщина почувствовала боль, будто бы ее «собаки кусают за сердце». Вскоре к ним в деревню пришла странница из Иерусалима. Ульяна хотела взять у нее святой воды, но тут с ней случился припадок. По словам Ульяны и других очевидцев, в ней «стали кричать бесы», что «они не сами в нее вошли, а их посадил хозяин». К этому времени в избе собралось много народа. Был тут и Андрей Егин. Ульяна бросилась на него и стала таскать за волосы, а бесы в ней кричали, что «это он их посадил». Бывшие в избе односельчане потребовали, чтобы Андрей «выворожил» несчастную, угрожая сжечь колдуна, на что он ответил (согласно протоколу допроса Левиной): «Ну, если вы, черти, меня объявили, то подите прочь, выходите вон в тар тарары»³⁵. Егин повторил эту фразу трижды, после чего крестьянке стало лучше, припадок ее прошел и вскоре она совсем поправилась. Многие односельчане обращались к Андрею Егину с просьбой «выворожить» родственника, предполагая, что он и есть причина болезни, угощали Егина вином, от которого тот никогда не отказывался, но и не лечил. Следствие длилось около трех лет, однако состава преступления обнаружено так и не было, в связи с чем судопроизводство по делу было прекращено. Материалы данного дела подтверждают высказанную нами ранее мысль о том, что в народном сознании болезнь напрямую была связана с воздействием нечистой силы. Протоколы допросов зафиксировали представления крестьян о черной магии, а также речевые формулы, используемые для «порчи» и «вывораживания», т.е. процесса снятия «порчи» и «изгнания бесов». Материалы этого дела показывают, что заговоры делались не

³⁴ Дело о крестьянине деревни Трегубовки, обвиняемом в колдовстве // ЦАНО. Ф. 179. Оп. 639. Д. 161. Л. 14 об.–15.

³⁵ Там же. Л. 18 об.–20.

только на вещества, употребляемые внутрь, но и на личные вещи человека. Видимо, важна была любая связь с человеком – и внешняя, и внутренняя. Из дела непонятно, мог ли Егин чем-то еще настроить деревенское общество против себя, но страх и неприязнь односельчан, объясняемые ими колдовскими способностями мужчины, очевидны.

Еще одним способом использования заговоров и «вспомогательных» веществ является попытка с их помощью защититься от бед. Вера в знахарство и охранительные возможности заговоров имела распространение не только среди сельского населения, но и в военной среде. В деле 1737 г., составленном Нижегородской духовной консисторией в доношении от выборного старосты села Помры (Алатырский уезд) на имя Питирима, архиепископа Нижегородского и Алатырского, содержатся сведения об имевшейся у дьячка этого села Андрея Алексеева рукописной волшебной тетрадке³⁶. В свою очередь, Андрей Алексеев также направил в консисторию доношение, где покаялся в хранении означенной тетрадки и пояснил, что «письменная заговорная книжка», содержащая заговоры «от всякого оружия», досталась ему от умершего тестя. Текст был написан «под образом молитвенника в призвании имени божия, а отвратных к дьяволу никаких речей в той книжке не написано»³⁷. Мышление обывателей разделяло обращение к «светлым» и «темным» силам, рассматривая первое как действие, соответствующее христианским канонам. Данный пример указывает на защитные функции заговоров, заключавшихся, видимо, только в речевых формулах. К сожалению, из дела не ясна судьба этого дьячка и самой заговорной книжки. Однако известно, что в Нижегородской духовной консистории бытовала практика сожжения подобных рукописей.

В качестве примера отношения к знахарству как к способу защиты, бытовавшему в городской среде уже во второй половине XIX столетия, можно привести дело 1872 г., слушавшееся в Арзамасском суде³⁸. Купеческий сын Андрей Быстров имел близкие дружеские отношения с Марией Иконниковой, женой арзамасского купца Василия Алексея Иконникова. Под присягой Андрей показал, что любовной связи между ними не было, но они состояли в тайной переписке. Однако Василий Иконников начал что-то подозревать, и тогда Мария попросила Андрея, чтобы тот нашел какую-нибудь ворожею, чтобы она отворожила мужа от ревности. Быстров через своего знакомого обратился к арзамасской мещанке вдове Марье Симатовой с просьбой

³⁶ Дело о найденной у дьячка Андрея Алексея волшебной книжке // ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 302. Л. 1–1 об.

³⁷ Там же. Л. 2–2 об.

³⁸ Дело о мещанке Марье Симатовой, обвиняемой в приготовлении и продаже мнимо волшебных напитков и средств // ЦАНО. Ф. 178. Оп. 95. Д. 354. Л. 2–3 об.

изготовить средство от ревности. Ворожея взялась за дело. На следующий день Андрей получил от нее корешок какого-то растения с указанием, чтобы жена ревнивца носила его при себе, два сухарика, которые она должна была съесть, и два порошка – желтоватый и зеленоватый. Зеленоватый порошок нужно было рассыпать по комнате ревнивца-мужа, а желтоватый дать ему в шесть приемов с едой или питьем³⁹. Все это Быстров оставил в свертке на крыльце дома Иконниковых, где тот и был обнаружен дочерью купца и отдан отцу семейства. Василий Алексеев Иконников заподозрил попытку отравления, для чего отправил порошки арзамасскому врачу Рачинскому, который выявил в одном из них (желтоватом) примесь мышьяка. Купец, не отличавшийся крепким здоровьем (телосложения «золотушного»), отправил содержимое свертка в суд. В ходе следствия была проведена медицинская экспертиза, выявившая, что зеленый порошок являлся охрой, а желтый действительно имел примесь мышьяка и был вреден для здоровья⁴⁰. На допросах Марья Симатова призналась, что занималась ворожбой и лечением, но ядами не пользовалась. Однако при обысках, проводимых у фигурантов этого дела, вредные и ядовитые вещества были найдены только у мещанской вдовы. Кроме охры и калгана у нее были обнаружены мышьяк и хлористая ртуть. Марью Симатову приговорили к заключению в смирительном доме сроком на 1 год, и еще год после освобождения она должна была находиться под наблюдением полиции. Данное дело примечательно тем, что касается не деревенского, а городского населения, представителей купечества и мещанства. В качестве защиты от ревнивого мужа фигуранты пытались использовать растительные и химические вещества, при этом не известно, совершался ли на них какой-либо наговор со стороны знахарки, либо использование данных предметов само по себе должно было решить возникшую проблему. Мы по-прежнему наблюдаем отношение к лекарским практикам в народной среде как к ворожбе, однако очевидно, что государство расценивало подобные действия как мошенничество, и при вынесении приговора учитывало не только имущественный ущерб (через мошеннические действия), но и вред здоровью. В качестве лекарственных средств в данном деле фигурировали опасные сильнодействующие и ядовитые вещества, что стало главным аргументом при определении наказания.

На наш взгляд, на устойчивость бытования знахарских практик в народной среде и представлений об их связи с магией в значительной мере влияло отсутствие развитой системы здравоохранения. По статистическим сведениям, собираемым для проведения губернской реформы 1775 г., в Нижегородской

³⁹ Дело о мещанке Марье Симатовой, обвиняемой в приготовлении и продаже мнимо волшебных напитков и средств // ЦАНО. Ф. 178. Оп. 95. Д. 354. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Л. 20–20 об.

губернии, состоящей из 13 уездов, было всего 13 докторов, 13 лекарей, 26 подлекарей и 26 лекарских учеников, т.е. по одному доктору, одному лекарю и по два подлекаря и лекарских ученика на уезд⁴¹. Согласно статистическому описанию Нижегородской губернии 1826 г., ситуация несколько изменилась. В уездных городах уже действовало по одной больнице и аптеке, в самом Нижнем Новгороде было семь больниц и две аптеки, еще одна больница и аптека работали на ярмарке⁴². К 1872 г. медицинский штат губернии увеличился до 50 врачей, из которых 13 практиковали в Нижнем Новгороде, 9 – в уездных городах, 28 – в уездах. Среди уездных врачей значились семь земских, один помещичий и один горнозаводской врач, а также два от Министерства народного просвещения, один от Министерства путей сообщения, одиннадцать вольнопрактиковавших и пять не имевших права государственной службы⁴³. Однако данное увеличение количества врачей лишь незначительно повлияло на жизнь и здоровье уездных обывателей.

Заключение

Официальное отношение власти к знахарству хорошо прослеживается по тексту законодательных памятников. В исследуемый нами период оно менялось от осуждения самого его факта как явления, связанного с магическими силами, до трактовки знахарства как незаконных лекарских практик и мошеннических действий, могущих нанести ущерб здоровью и имуществу человека. Данное изменение можно объяснить окончательным утверждением в период царствования Екатерины II философской просветительской доктрины, трактовавшей магию как суеверие и целенаправленный обман, т.е. мошенничество. По словам Е.Б. Смилянской, весь XVIII в. «суеверия» рассматривались светской властью как набор вредных и даже опасных проступков, но не как важная составляющая религиозных практик большинства подданных⁴⁴. Однако, необходимо отметить, что регламентированное законом

⁴¹ Стат Нижегородской губернии, состоящей из тринадцати уездов, а именно: Нижегородского, Горбатовского, Арзамасского, Починковского, Ардатовского, Лукояновского, Сергачского, Перевозского, Княгининского, Васильевского, Макарьевского, Балахнинского и Семеновского. Утвержден: В Санктпетербурге сентября 6 дня 1779 г. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1779. С. 7.

⁴² Статистическое описание Нижегородской губернии, составленное тамошней гимназии старшим учителем М. Духовским. Казань: Печатано в Университетской типографии, 1827. С. 29.

⁴³ Обзор Нижегородской губернии за 1872 год, составленный Нижегородской губернской статистической комиссией. Нижний Новгород: Типография Губернского правления, 1872. С. 147–164.

⁴⁴ Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. С. 282.

наказание в виде сожжения или битья шпицрутенами в действительности применялось крайне редко. В пределах Нижегородской губернии таких случаев на данный момент не выявлено. Судя по следственной практике первой половины – середины XVIII в., жесткость наказания зависела от нанесенного ущерба и умысла получить какую-либо выгоду или сочетания знахарства с другим преступлением, например, кражей, самовольной отлучкой с места жительства, укрывательством беглых. Уже в указе Анны Иоанновны от 1737 г. знахари и прочие «колдуны» именовались «мнимыми волшебниками». Данный подход окончательно утвердился в «Учреждениях для управления губерниями». В законодательстве XIX в. «волшебство» однозначно трактовалось как целенаправленный обман. Вместе с тем, формулировки обвинения продолжали приравнивать знахарство к ворожбе и колдовству. Несмотря на изменение законодательного подхода к «волшебству», отношение к «магическим» практикам, в том числе к знахарству, в народной среде длительное время оставалось неизменным.

В исследовательской литературе сложилась устойчивая традиция классификации судебных дел по обвинению в колдовстве, разработанная еще Е.Б. Смилянкой⁴⁵. Изучаемые нами знахарские практики в целом соответствуют сложившейся классификации и относятся к целительской магии. Согласно изученным материалам, бытовавшие знахарские практики можно разделить на несколько видов. Это, в первую очередь, знахарство как таковое, т.е. попытка излечить людей или домашних животных с помощью природных средств и специальных речевых формул. Однако в народном сознании возможность излечения связывалась и с ее оборотной стороной, т.е. со способом навредить, испортить, «подсадить килу». Действия, направленные во вред, составляют второй вид знахарских практик. К третьему относятся попытки защитить себя от чего-то или кого-то с помощью специальных средств – речевых формул, растений и других веществ. Знахари читали наговоры на воду, вино, соль, использовали природные и химические вещества – калган, охру, белену, мускатный орех, имбирь, ладан, медвежий коготь, сазаний зуб, зеленый купорос, киноварь, хлористую ртуть. Также ими применялись специальные словесные формулы – наговоры или заговоры, в большинстве случаев представляющие собой обращение к богу и божественным силам с призыванием помощи от болезни. Нами выявлено, что словесные формулы использовались и для связи с нечистой силой с целью подсадить или изгнать бесов из человеческого организма. Такие действия в народном сознании связывались с порчей, нанесением вреда здоровью. Для

⁴⁵ Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. С. 48–158.

проникновения «порчи» в организм пользовались солью, взглядом или личной вещью человека.

Изученные материалы позволяют проследить наиболее распространенные в крестьянской среде недуги, к которым относятся лихорадка, разные виды грыж, болезни желудочно-кишечного тракта, зубная боль и венерические болезни. Знахарем в равной степени мог быть как мужчина, так и женщина, в большинстве случаев зрелого возраста, т.е. от 35 лет. Для более точных выводов о гендерном и возрастном составе народных лекарей требуется продолжить исследование.

Особенностью знахарства является его устойчивая связь в народном сознании с магическим, иррациональным. В сочетании с длительным бытованием знахарских практик в народной среде это дает основание говорить о наличии противоречий между просветительской идеологией, отраженной в законодательстве и материалах следствия, и народным мировоззрением, связывавшим болезнь и врачевание со сверхъестественным, необъяснимым с логической точки зрения.

Introduction

History of medicine is one of the many areas of historical knowledge and includes studies on the formation of the system of medical institutions, the development of the theory and practice of medicine as a science, the evolution of medications, biographies of individual personalities and professional medical personnel in general. However, this focus cannot be limited to attention to the emergence of professional academic medicine. In the conditions of poorly developed medical institutions and lack of qualified personnel in the provinces of the Russian Empire for many centuries, folk medicine remained the only available medical practice for the majority of the population. Considering that, the forms of its existence, methods of application and dissemination deserve special attention of researchers. The most popular form of folk medicine in the periphery of the Russian Empire during the 18th–19th centuries was healing (procedures based on incantations and spells).

Healer practices and the activities related to them were investigated both because they resulted in material damage or harm to human health and because of their alleged connection with supernatural or magical forces. The cases recorded and described in the course of the investigation became the subject of this study. Reference to such materials allows us to study from different angles the existence of magical practices present among the peasant and urban population of the province, to identify cases of recourse to healers or witchdoctors and the means used by them, to determine the attitude to such practices on the part of the population and the authorities, and to establish the reasons for the long-term existence of this phenomenon.

Investigation materials as a source on folk religious culture and social consciousness became the object of historical research as early as in the second half of the 19th century. The study of sorcery and “magic” processes has an established tradition and extensive historiography. In this article we are to limit ourselves only to a general characterization of the milestones of historiography of this subject and only to those works which used investigative materials as their main source of evidence. In the second half of the 19th century, historians turned their attention to witchcraft trials, for they were attracted by their possible political background, which was reflected in the files of the Preobrazhenskii Prikaz and the Secret Chancellery. In their works, G. Esipov, M. Semevsky and a number of other historians introduced into scientific circulation some investigative materials of the 17th and 18th centuries.¹ N. Novombergsky drew attention to the connection of folk

¹ G.V. Esipov, *People of the Old Century. Stories from the Cases of the Preobrazhenskii Prikaz and the Secret Chancellery* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1880);

medicine and ideas about magic in the folk environment.² Researchers compared the causes and course of the Western European “witch-hunt” with the corresponding situation in Russia, drawing conclusions about similarities and peculiarities.³ Historical sketches offered by M. Orlov and N. Kostomarov were devoted to the study of attitudes to witchcraft in the folk environment.⁴

In the post-revolutionary period, interest in the study of folk religiosity flagged. Its renewal is associated, first of all, with the name of N. Pokrovskii, who analyzed witchcraft processes in the context of transformations of socio-political culture of the 17th and 18th centuries.⁵ Later, in post-Soviet science, a very significant contribution to the study of witchcraft processes was made by A. Lavrov. He considered witchcraft processes in the context of the development of religious consciousness in general, referring to the materials from the Secret Chancellery and the Preobrazhenskii Prikaz as well as data from ethnographic descriptions and expeditions. A special emphasis in his study was placed on the eclectic nature of the folk religious worldview as a characteristic feature of the beginning of the Modern Era.⁶ His study was limited by chronological (1700–40) and territorial frames (investigative materials of the central investigative bodies of St Petersburg and their departments in Moscow). In conclusion, the historian raised the question of the possibility of a comparative analysis of the picture of the religious outlook of the center and the provinces of the Empire.

A huge layer of investigative materials on “magical” cases of the 18th century was introduced by E. Smilyanskaya.⁷ On the basis of the studied sources, she was the first to propose a classification of religious crimes and their typology according to the class affiliation of the defendants in the cases. A special merit of her research

M.I. Semevskii, *Essays and Stories from Russian History. Word and Deed! 1700–1725* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva, 1884).

² N.Ya. Novombergskii, *Development of Medicine in pre-Petrine Rus'* [in Russian] (Tomsk: Parovaya tipo-litografiya Sibirskogo Tovarishchestva Pechatnogo Dela, 1907).

³ Ya.A. Kantorovich, *Medieval Witch Trials* [in Russian] (Moscow: Kniga, 1990); M.I. Gorchakov, “Inquisition in the Eastern Church” [in Russian], *Yuridicheskaya letopis'*, no. 12 (1891): 491–504.

⁴ M.A. Orlov, *History of Man's Relations with the Devil* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya P.F. Panteleeva, 1904); N.I. Kostomarov, *Essay on the Domestic Life and Customs of the Great Russian People in the 16th and 17th Centuries* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya K. Vul'fa, 1860).

⁵ N.N. Pokrovskii, *Journeys to Get Rare Books* [in Russian] (Moscow: Kniga, 1984).

⁶ A.S. Lavrov, *Witchcraft and Religion in Russia, 1700s–1740s* [in Russian] (Moscow: Drevlekhranilishche, 2000).

⁷ E.B. Smilyanskaya, *Wizards. Blasphemers. Heretics. Popular Religiosity and “Spiritual Crimes” in Eighteenth-Century Russia* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2003).

was the study of investigation documents in close connection with the development of public consciousness in Russia in the 18th century.

In recent decades, works have appeared that have made a significant contribution to the study of this topic. Their authors turned their attention to the study of various aspects of the trials of alleged witchcraft practitioners, to semantic-linguistic and historical analysis of incantations, to demonology and perceptions of the demonic in the popular environment, to the relationship between magic and healer practices, and to the correlation between magic and Christianity and magic and paganism.⁸

Main body

In the fonds of the Spiritual Consistory, Nizhniy Novgorod Governorate Court, Nizhniy Novgorod Criminal Court Chamber, and Nizhniy Novgorod District Court in the Central Archive of Nizhniy Novgorod Oblast, there are cases that provide rich material for studying the phenomenon of healing at the micro-historical level.

The composition of such cases varied depending on the investigating body and the time, but in general, their structure remained similar. In the period between 1730s and 1780s, cases related to healing were handled by the Spiritual Consistory. Investigation was initiated by a report that recorded the very fact of the crime. Then followed corresponding orders, or decrees, which initiated further research on that case, i.e. the beginning of the investigation; memoranda, or correspondence between institutions on the issues related to the persons involved in the investigation (a kind of requests); interrogation materials, or speeches; and finally, an extract (a detailed statement about the crime and the investigation, made for the court, and the decision on the case). If any investigation was transferred to another court instance, the investigation process was duplicated there and a similar set of documents was drawn up. The materials necessarily indicated how the interrogation was conducted – “partiality”, “under whips,” or “with exhortation by a priest.” From the 1870s, the investigation of such crimes was handled by the Court of Conscience, where the case was opened by a notice or a submission sent from another investigative body,

⁸ *In Umbra: Demonology as a Semiotic System. Almanac* [in Russian], iss. 6, comp. D.I. Antonov, and O.B. Khristoforova (Moscow: Indrik, 2017); A.L. Toporkov, comp., *Russian Spells from the Manuscript Sources of the 17th – First Half of the 19th Centuries* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2010); A.L. Toporkov, *Spells in the Russian Manuscript Tradition of the 15th – 19th Centuries: History, Symbolism, Poetics* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2005); A.L. Toporkov, and A.A. Turilov, eds., *Texts Prohibited by the Church in Russia of the 17th – 18th Centuries* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2002); I. Levin, *Dual Faith and Folk Religion in the History of Russia* [in Russian], trans. A.L. Toporkov, and Z.N. Isidorova (Moscow: Indrik, 2004); T.A. Agapkina, *East Slavic Healing Spells in Comparative Light: Plots and the Image of the World* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2010).

as it was supposed to be, if the investigation involved healer practices or anything related to witchcraft. The submission was accompanied by a copy of the court case with a detailed description of the situation. If the assessors of the Court of Conscience for any reason were not satisfied with the quality of the information received, a proposal was sent to the investigative body. It contained detailed instructions for procedural process, which the local court had to fulfill and send a new version of the case to the Court of Conscience. The case was accompanied by the copies of investigation materials (interrogations, examinations, etc.). Afterwards, an extract for the hearing of the case was drawn up, and an opinion, i.e. a court decision, was issued on the basis of it. In the post-reform period, the district court precincts were in charge of investigations. All cases from the precincts were submitted for revision to the head instance, i.e. to the district court, and contained a report of the precinct (district court), a copy of the case, all materials on the case, including records of interrogations, searches, examination data, a list of jurors and the composition of the court, and a record of the court session with the decision on the case. Unfortunately, investigative materials do not always allow tracing the entire process from the incident to the court decision. Some cases contain only correspondence between chanceries of different judicial institutions, sometimes accompanied by a number of other “auxiliary” documents aimed at finding the exact persons involved in the investigation or collecting and providing information about them. However, even these scraps of information contain valuable data about the reasons for the investigation and the state’s attitude to healer practices as a phenomenon directly related to witchcraft. Later, in the Age of Enlightenment, the state saw such practices as a phenomenon directly related to fraud. In the overwhelming majority of the cases we studied, the wording of the charge was limited to sorcery, witchcraft and magic, which were sometimes associated with other types of crimes, which determined the specifics of the investigation and the competence of the judicial authorities. Until 1775, the investigation of such cases was regulated by the Military Articulus,⁹ the Naval Statute (it should be noted that these legislative acts were applied in civil courts until 1775),¹⁰ the Spiritual Regulations of 1721, the Synod decree as of September 4, 1722,¹¹ the decree of May

⁹ *Military Articulus. Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries* [in Russian], vol. 4, *Legislation of the Period of the Formation of Absolutism*, ed. A.G. Man'kov (Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1986), 327–65.

¹⁰ *The Book of Naval Regulations, On Everything that Concerns Good Management with the Fleet at Sea* [in Russian] (St Petersburg: V Sanktpiterburgskoi tipografii, 1720).

¹¹ No 4081. – September 4. Synodic, “On the Instances of the Spiritual Court and on the Cases Affairs of the Spiritual Department” [in Russian], in *Complete Collection of Laws of the Russian*

25, 1731,¹² and the Synod decree as of November 25, 1737.¹³ It should be mentioned that the law provided for severe punishment for such crimes, up to burning alive, but it was not applied in practice. The court referred to the requirement of sufficient evidence contained in the Military trials, which was absent in the “witchcraft” cases. After the judicial reform of 1775, sorcery, witchcraft, and healing as such were transferred to the competence of the Court of Conscience, which acted on the basis of Article 399 of the Statutes for the administration of the provinces of the All-Russian Empire and considered witchcraft as superstition, ignorance, and deceit.¹⁴ In 1796–1801, local uyezd courts investigated “magic” cases. In the post-reform period, the district court took over this duty, acting on the basis of the Code of Criminal and Correctional Penalties.¹⁵

The investigative materials we have studied allow us to trace and identify the reasons for the use of healer practices in the provinces of the Russian Empire. First, rural and sloboda residents turned to witchdoctors to get treatment for themselves, their relatives, and livestock. Secondly, the opposite tendency is also observed, expressed in turning to sorcerers and witchdoctors in order to inflict harm on the health of a fellow villager. Sometimes such a sorcerer could “put an evil curse” at his own will. Thirdly, “magic” forces were resorted to in order to protect oneself from something or someone through a verbal formula or by using special substances. In this article, we do not consider cases related to entering a specially altered consciousness in order to find a missing person, achieve a goal, gain favor of superior persons or justify social behavior, for example, unauthorized departure from the place of residence.

Cases of addressing witchdoctors for healing practices as the most accessible form of treatment are recorded in many court cases. One of the earliest is the “Case Initiated Following the Report from the Chancellery of the Life Guards Cavalry Regiment,” which was started in February 1747. The investigation process was initiated by the Siberian Provincial Chancellery of the Life Guards Cavalry Regiment in connection with the “magic God-opposing letters” found in the

Empire. Collection I (hereinafter *PSZ-I*), vol. 6, 1720–1722 (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830), 761–67.

¹² No. 5761. – May 25, “On the Punishment for Summoning Wizards and on the Execution of such Deceivers,” in *PSZ-I*, vol. 8, 1728–1732, 465–66.

¹³ No. 7450. – November 25, “On the Suppression of Superstitions,” in *PSZ-I*, vol. 10, 1737–1739, 361–64.

¹⁴ No. 14.392. – November 7, “Institutions for the Management of the Governorates of the All-Russian Empire, Part One,” *PSZ-I*, vol. 20, 1775–1780, 229–87.

¹⁵ *Code of Criminal and Correctional Penalties (Supplemented by the Continuation of 1868 and Later Legalization) with Explanations on the Decisions of the Cassation Departments of the Governing Senate* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya A. Transhelya, 1869), 52–70.

possession of reiter Fedor Anichkov.¹⁶ In the course of interrogations it turned out that in 1744, Fyodor Anichkov got acquainted with Avram Kononov through a Chuvash interpreter. Kononov was a house-serf of the brigadier's widow Irina Leont'eva. He could cure various diseases and in the presence of Anichkov he cured a certain Stepan Vasil'ev of fever by tying "benjamin" (a rare balsamic resin obtained from the bark of several species of tropical trees) to a cross. From him Anichkov wrote off the spell against fever that was found on him later. Anichkov heard from Kononov that his mistress the brigadier's widow Irina Leont'eva had an estate in Alatyrskii Uyezd of Nizhny Novgorod Governorate, but he did not remember the name of the village. In this connection, a "request" (memorandum) to find and interrogate Avram Kononov came from the chancellery of the Life Guards Cavalry Regiment to the Nizhny Novgorod Spiritual Consistory. Bishop Veniamin of Nizhniy Novgorod and Alatyr initiated a search, an interrogation, in Alatyrskii Uyezd and ordered "to bring the said sorcerer Kononov under a strong guard" together with the elected headman of that village to the Spiritual Consistory for interrogation. The search was to be conducted according to the church records, i.e. according to the office of Bishop Veniamin, and the clergy were obliged to report the results to the consistory. In addition, Veniamin sent a pro-memory (request) to the Alatyr provincial Chancery to search for information about the estate of the widow Irina Leont'eva and about her house-serf according to the documents of the past and present revision. According to the reports and memorandum from the Alatyr Provincial Chancellery, no estate of the widow Irina Leont'eva was found in Alatyrskii Uyezd and no Avram Kononov was found there either. This is the end of the case materials. However, even from such incomplete investigative materials we get information about the treatment of fever with Benjamin, which was obviously accompanied by a verbal formula (a rewritten text of this spell is included in the file) and action – tying benjamin to the cross.

The case initiated by the Ardatov District Court in 1798 and completed in the Krasnoslobodsk District Court in 1799 has preserved more detailed information about cures by means of incantation on water and wine as well as the content of special verbal formulas.¹⁷ It concerned Finogen Koblov, an economic peasant from the village of Prudoshek, who was tried for "practicing witchcraft." Having obtained a passport from the local treasury office in April 1798, Finogen Koblov together

¹⁶ "Delo o koldovskom pis'me" [The Case of the witchcraft letter]. F. 570, op. 533, d. 3, ll. 2–24. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti [Central Archive of Nizhniy Novgorod Oblast] (TsANO), Nizhny Novgorod, Russia.

¹⁷ "Delo ob ekonomicheskom krest'yanine sela Prudoshek Finogene Koblove, sudimom za chinimuyu im vorozhbu" [The Case of Finogen Koblov, economic peasant of the village of Prudoshek, convicted for the witchcraft he performed]. F. 874, op. 696, d. 167, ll. 3–19. TsANO.

with his companion was hired to work on barges to raft state-owned timber. Having rafted to Balakhna, Koblov and his fellow villager received payment from the “military commander,” took their passports, and went first to the governorate city of Nizhny Novgorod and then to Arzamas. Koblov’s companion went from the Arzamas tract through the Sarov Pustyn. Koblov left his passport with the fellow villager and went to the village of Kashelikha to peasant Elisei, an acquaintance of his, to treat “his sick livestock.” It is recorded in the materials of interrogation that Finogen himself noted that he had long been engaged in such treatment of other people’s cattle “according to his skill in witchcraft,” i.e. because he knew how to practice witchcraft. In the same village he was called to cure a peasant from the village of Likhachek, who was in the village of Kashelikha at that time. Koblov treated him with incantation on wine, took a rouble for treatment, and went to the village of Kremenki to peasant Maksimov, a friend of his, for an overnight stay. There Finogen Koblov treated a sick woman for whom asked her husband, a peasant unknown to Koblov, with incantation on water. At that time the witchdoctor was seized by the people from the landlord’s house, a manager and a junior police officer, and sent to court. After interrogation in the Ardatov court, it turned out that the territory of residence of the defendant belonged to the Krasnoslobodsk Uyezd Court, where he was sent under guard accompanied by village police officer Ivan Maksimov. However, on the way to the court, Finogen Koblov escaped and went to his home village, where he was found later by order of the Krasnoslobodsk Uyezd Court. The detailed extract of the case contains two texts of incantations:

- 1) In front of his house stands a white stone of the Lord that connects earth to heaven. The Lord Himself sprang from this stone and was clothed with a crown. This crown protects Him from evil spirits and heretics. Amen.
- 2) From the evil eye, from whirlwinds and strong winds. Let God Arise, and Let his enemies be scattered. He will protect us by dispersing our adversaries and heretics. He stands in heaven and sends forth His spirit. On three stones he is restored, crowned with his cross, and his angels guard us from whirlwinds, wind, and the evil eye. Amen.¹⁸

According to Finogen Koblov, he considered these incantations to be prayers because they contained an appeal to God but not to the “dark forces.” These words were learned by heart by the peasant six years ago in Kolomna from the old man

¹⁸ “Delo ob ekonomicheskom krest'yanine sela Prudoshek Finogene Koblove, sudimom za chinimuyu im vorozhbu” [The Case of Finogen Koblov, economic peasant of the village of Prudoshek, convicted for the witchcraft he performed]. F. 874, op. 696, d. 167, l. 5. TsANO.

named Vasili. With water and wine, Koblov used them to cure people (mostly men) and livestock from neighboring villages and hamlets, since everyone knew that he possessed the art of witchcraft and turned to him for help. The defendant could not remember exactly how many people he “healed,” which indirectly confirms the mass nature of his “healing” practice. The fact that he travelled from Balakhna to his place of residence, calling on one house after another “treating” peasants in need, also points to the same circumstance. Koblov had no strictly fixed price for such services, so he charged the peasants he met “according to their ability,” apparently as much as they would give him. For sorcery and escape from custody, the court ruled “that Koblov should be mercilessly punished with whips in front of the gathering of lay people” and sent to church repentance.¹⁹

Such texts of incantations are a rare find, as they were supposed to be burned after memorization. The extant materials are all the more interesting to study. In 1840, the Nizhniy Novgorod Council Court heard a case in which Ivan Dulepov, a peasant from the village of Bronskoe, was accused of sorcery.²⁰ He used salt in incantations to cure livestock. This fact was known in the village and people turned to the witchdoctor for help. However, it was not possible to help everyone. One of the failures initiated an investigation conducted by the Nizhniy Novgorod Court of Conscience. At the interrogation, Ivan confessed that from his father and grandfather he knew special words that should be pronounced over salt and that after that he had to rub it into the back or pour it into the ear of sick cattle. The words cited in the case were in the form of a prayer,

In the name of the Father, Son, and Holy Spirit. Amen. Bless, Lord, your servant (name to be spoken) to take away from this horse (name of the horse) the evil influence. Let this influence find no strength day or night or morning or at any other time. Go away, evil influence, far away into the clear field where there are oak tables with sweet treats and honeyed drink. You will not be able to taste these sweet treats, for Michael the Archangel will descend from heaven and slaughter and throw you into the sea-ocean, into the sea-ocean put you under a big Alatyr rock, cover you with cartilage and sand. And it will be forever. Amen. Amen. Amen.²¹

¹⁹ “Delo ob ekonomicheskom krest'yanine sela Prudoshek Finogene Koblove, sudimom za chinimuyu im vorozhbu” [The Case of Finogen Koblov, economic peasant of the village of Prudoshek, convicted for the witchcraft he performed]. F. 874, op. 696, d. 167, l. 19. TsANO.

²⁰ “Delo po obvineniyu v vorozhbe” [Case on charge of sorcery]. F. no. 133, op. 121a, d. 40, l. 11 ob. TsANO.

²¹ *Ibid.*, l. 9 ob.

This text presents a mixture of Christian and pre-Christian symbols in poetic form. “Oak tables,” “sweet treats,” and “honeyed drink” refer to oral folk art and ancient tales. Feeding the disease, apparently, reflected an attempt to placate it. The disease itself was represented in the popular consciousness in the form of an animated being, which was first to be placated with treats, and then to be defeat, literally destroyed (“slaughtered”) with the help of divine forces. “A big Alatyr rock,” “sea-ocean,” “cartilage,” and “sand” symbolized a restraining, protective function in this text. The text of the incantation itself was a kind of amulet capable of changing the surrounding space and affecting the human body.²²

With the help of incantation on salt, water, and wine witchdoctors treated fever, wasting disease (i.e., a disease caused by the evil eye), dyspepsia, tumor and hernia, and drunkenness. For instance, in 1843, peasant Shemyagin was approached by his fellow villager Gosteva with a request to wean her husband Vasili Gostev from alcohol abuse. For this purpose, the defendant cast a spell on a glass of strong tincture called Yerofeich and gave it to Vasili under the guise of a treat, after which he “fell ill.” During the investigation, local residents were interviewed, and peasant Nochugin showed that Shemyagin had earlier treated his sister of “seizures” with the help of incantations. However, according to the testimony of fellow villagers, his magic did not come true. The court decided to release Shemyagin, as there was no direct evidence of his guilt.²³

Some materials contain interesting information about the substances used for treatment and medicinal methods. In 1847, the Knyagin Uyezd Court heard the case of runaway deserter Ivan Malakhov and soldier’s wife Anna Gavrilova Morkovina.²⁴ According to the protocols, inquiries, and extracts contained in the case, it was possible to fully restore the circumstances of the incident. The retired soldier Andrei Filippovich Morkovin lived with his wife Anna Gavrilova in Zavrazhskaya sloboda of Knyagininskii Uyezd. He even had various awards for service – orders of St. George and St. Anne, and medals (for the Persian and Turkish wars). Morkovin served in the local police as a booth-keeper and rarely came home. In his yard he built a stable and put in it a chimneyless stove. This circumstance seemed very suspicious to the sloboda residents. In addition, the neighbors of the Morkovins were frightened and alarmed by the fact that various strangers went to their house and often stayed there overnight and at night, noise, shouting, and

²² N.V. Shesterkina, “Sacral Text as a Linguocultural Phenomenon” [in Russian], *Filologiya i kul'tura*, no. 2 (2015) (40): 151–56.

²³ “Delo o vorozhbe krest'yanina Shemyagina” [Case of sorcery by peasant Shemyagin]. F. 133, op. 121, d. 183, l. 20. TsANO.

²⁴ “Delo o soldatskoi zhenke Anne Gavrilovoi i beglom dezertire” [Case of soldier’s wife Anna Gavrilova and the runaway deserter]. F. 176, op. 94a, d. 171, l. 10. TsANO.

swearing could be heard from the Morkovins' yard. Local residents reported the danger of fire to the head of the Knyagin Uyezd Department Pavel Kuritsyn because of the stove in Morkovin's stable. The head together with the village elder and other sloboda residents searched the soldier's house. As a result of the search, fugitive deserter Ivan Marakhonov and two peasant women – Marya Rakutina and Nadezhda Nikolaeva – were found. All of them were detained and together with the soldier's wife were sent to the Knyagin prison. The defendants of the case were interrogated “with exhortation of a priest.” The interrogation protocols reveal many details and curious circumstances. We are however interested in the medicinal practice of the soldier's wife Anna Gavrilovna Morkovina. She admitted that she treated venereal diseases with the help of green vitriol, cinnabar (mercury sulphite) and all sorts of herbs, the names of which she could not remember. She treated people of different ranks (she did not remember all of them) in the same way. She burned cinnabar on the fire and made the sick sit on the steam or smoke. Then, she gave them herbal concoctions, and made ointment from green vitriol and smeared it on the infected places.²⁵ The investigation made a request to the Nizhnii Novgorod Medical Chamber, from which they received a reply that cinnabar and green vitriol belonged to rather intoxicating substances, and therefore their careless use could harm human health. Morkovina was punished for her “illegal treatment” with whips (30 strokes) and received two years of police supervision.²⁶

In the opinion of rural and urban people of that time, sorcery practices had two sides. The one who could cure people could also cast an evil spell on them, i.e. harm their health. In 1764, the Nizhniy Novgorod collegiate registrar Andrei Protopopov reported to Nizhniy Novgorod police office about his housekeeper Anna Mironovna, accusing her of casting an evil eye on his wife.²⁷ The police office sent a request to the Nizhniy Novgorod Spiritual Consistory, which took up the investigation. Anna Mironova was interrogated twice, and the first questioning took place “under the whip.” Both times she gave the same testimony. She had been in service in Protopopov's house attending to his wife Dar'ya Vasil'eva since she was married to Stepan Ferapontov, a household serf of collegiate registrar Andrei Protopopov. There had never been any complaints from the mistress about her work. Dar'ya Vasil'eva even gave her two kokoshniks as a reward. The rest of her clothes (except for shoes and outerwear) she acquired “from her work.” One day, Anna's husband Stepan claimed that he was not Protopopov's serf but belonged to a completely

²⁵ “Delo o soldatskoi zhenke Anne Gavrilovoi i beglom dezertire” [Case of soldier's wife Anna Gavrilova and the runaway deserter] F. 176, op. 94a, d. 171, l. 11–11 ob. TsANO.

²⁶ *Ibid.*, ll. 20–22.

²⁷ “Delo po obvineniyu v porche krest'yanskoi zhenki Anny Mironovoi” [Case on charge of evil curse put by peasant wife Anna Mironova]. F. 570, op. 554, d. 166, l. 1–1 ob. TsANO.

different person, about which he wrote to the Nizhniy Novgorod police office with the help of a literate street schoolboy and naturally was detained there until the circumstances were clarified. In order to support her husband in detention, Anna sold some of her clothes. Protopopov was involved in the investigation, and, apparently for his own protection, accused Anna Mironova of stealing sarafans and kokoshniks from his wife and testified that the peasant woman had cast an evil eye on his wife Dar'ya, as a result of which they had no children. During the search they found nutmeg, galangal, ginger, a bear's claws, carp's tooth, and henbanes in Anna's possession.²⁸ According to the defendant, Anna Mironovna received the nutmeg, galangal, and ginger from her mistress to treat stomach and intestinal diseases, and she cut the bear claw from her mistress's bear skin to treat fever. She received a carp's tooth and henbanes from a peasant woman of Blagoveshchenskaya Sloboda for a toothache. "She practiced no witchcraft against human death" and did not cast an evil curse on anyone, for she kept all the above-mentioned things exclusively for her own needs. In this case it is interesting to note the very fact of the accusation of witchcraft and casting an evil curse, which came from a city dweller, an official who served as a collegiate registrar. Such cases provide interesting material for analyzing the public consciousness of the Russian provinces of the Age of Enlightenment. The list of "medications" and the diseases that corresponded to them is also rather informative. Apparently, the given set may indicate the most widespread health problems of that time.

A different picture is presented in the 1843 case of Natal'ya Karpova, a peasant woman from the village of Kozhina, which was considered in the Sergach Uyezd Court.²⁹ Once, having returned after threshing, she ate a piece of bread with salt, which she took from the salt cellar on the table; immediately after that she felt pain in her stomach and fell ill. Her illness lasted until January, when her neighbor Avdot'ya Ostaf'yeva came to her and told her that it was she who had brought salt to Natal'ya's house and that this piece of bread had been cursed by soldier's wife Matveeva. Avdot'ya appealed to the soldier's wife again, now with a request to remove the evil curse from the sick woman, and after a while she brought Natal'ya some more salt, which she ate and immediately felt relief. However, having learned about the cause of his wife's illness, Karpova's husband reported Matveeva to the village elder. During the interrogation, Avdot'ya Ostaf'eva admitted that she had asked soldier's wife Matveeva to cure Natal'ya Karpova who was ill, because she knew that Matveeva was a witchdoctor and treated people and livestock, but she

²⁸ "Delo po obvineniyu v porche krest'yanskoi zhenki Anny Mironovoi" [Case on charge of evil curse put by peasant wife Anna Mironova]. F. 570, op. 554, d. 166, l. 4 ob. TsANO.

²⁹ "Delo po obvineniyu v porche soldatki Matveevoi" [Case on charge of evil curse put by soldier's wife Matveeva]. F. 133, op. 121a, d. 153, l. 10. TsANO.

denied any involvement in the initial fact of casting a spell on Karpova. Matveeva, on the other hand, admitted that she had cured, i.e. removed an evil eye from women and livestock by means of incantation on salt, but she completely denied that she had had the intention to use the said incantation on salt to harm Natal'ya Karpova. Soldier's wife explained that she used incantation as prayers and solely for healing. The court ruled that Matveeva should have been punished for witchcraft. However, considering sorcery and magic to be pure ignorance, Matveeva was released from the court, having given a signed promise that she undertook not to cure anyone else of any spells and evil eye.³⁰ This case reveals the attitude of villagers to treatment and illness. They regarded health problems as the intervention of supernatural, of some “dark” forces, while healing was perceived as getting rid of evil spirits.

It did not matter to public opinion whether a man considered himself a witchdoctor, a bearer of magical powers, someone being able to heal or cast a spell, put an evil curse, or make a person ill. People's rumor was enough for such accusations. In 1871–73, the Lukoyanovsk section of the Nizhniy Novgorod District Court considered a case initiated following a complaint of a peasant from the village of Tregubovka, Andrei Egorovh Egin, 48 years old. He reported that at the village meeting a peasant of the same village, Ivan Ippolitov Levin, called Egin a witchcraft practitioner, declaring that he had cast a spell on his sisters Ustin'ya and Avdot'ya by “tying a gut hernia” to one of them and placing an “evil eye” on the other one.³¹ Egin was beaten at this gathering, and Levin threatened to kill him. In turn, a complaint was drawn up by the fellow villagers, in which they supported Levin's accusations. Residents of the village of Tregubovka and some neighboring villages were interviewed about the case. According to most of them, Andrei Egorov Egin was practicing witchcraft and was involved therefore in placing an evil eye, because his grandfather was known to practice witchcraft as well, and everyone knew about it. The denial of this fact by Egin did not matter to the villagers. For the protocol of interrogation, Andrei Egorov Egin testified:

I am not guilty of witchcraft; I do not practice it. They call me a sorcerer in the village because, as I have heard, my grandfather practiced witchcraft and was known to everyone as a witchdoctor. . . and if I say any spells, it is only to get them off of my back.³²

³⁰ “Delo po obvineniyu v porche soldatki Matveevoi” [Case on charge of evil curse put by soldier's wife Matveeva]. F. 133, op. 121a, d. 153, l. 57. TsANO.

³¹ “Delo o krest'yanine derevni Tregubovki, obvinyaemom v koldovstve” [Case of the peasant from the village of Tregubovka, charged of witchcraft]. F. 179, op. 639, d. 161, ll. 1–2 ob. TsANO.

³² *Ibid.*, l. 11–11 ob.

During the interrogation, Egin described an incident that happened to him four years ago, when he came to the house of his neighbor Praskov'ya. At that time, her grandfather was ill, lying there with a swollen neck. Praskovia was worried that her grandfather would die, but Egin calmed her down, saying, “God is merciful, maybe it will pass.” Two days later the tumor on his neck did indeed go away, and the grandfather recovered. After this incident Praskov'ya began to believe and spread the word in the village that Andrei Egin “turned illness away” from her grandfather.³³ Protocols of interrogations of fellow villagers contain details about Egin’s malicious witchcraft. Thus, Ustin'ya Ippolitova Linyaeva, 20 years old, testified that two years ago she came from her father-in-law’s house to visit her mother and met Egin, who only looked at her and said that she had come to a good home. Since then, Linyaeva felt a pain in her stomach that did not go away. The patient believed that it was Egin who had “cast gut tumor” on her. Ustin'ya said that she was taken to various sorceresses but it did not get any better. Andrei Egin discouraged her relatives from using the services of any sorceresses and witchdoctors, saying that it was useless, but he himself refused to treat her.³⁴ Another peasant woman, Ul'yana Levina, 25 years old, said that four years earlier, during Easter time her family left home and she was alone and went to bed. When she woke up in the night, she saw Andrei Egin sitting on a bench near her hair and moving his hands. Levina was frightened and tried to ask the night visitor why he had come, but he ran away. In the morning, Ul'yana found her hair “all tied up in knots.” Immediately the young woman felt pain, as if she were being “bitten on the heart by dogs.” Soon a wanderer from Jerusalem came to their village. Ul'yana wanted to take holy water from her, but then she had a seizure. According to Ul'yana and other eyewitnesses, demons “began to scream in her” that “they did not enter her by themselves, but were put in by the master.” By this time many people had gathered in the izba. Andrei Egin was also there. Ul'yana threw herself on him and began to drag him by the hair, while the demons in her were shouting that “it was he who put them in.” The fellow villagers who were in the izba demanded that Andrei “lifted the spell” from the poor woman, threatening to burn the man, to which he replied (according to the minutes of Levina’s interrogation), “Well, if you, devils, have declared me as someone who had put you in, then go away, go to hell.”³⁵ Egin repeated this phrase three times, after which the peasant woman felt better, her seizure passed, and soon she recovered completely. Many villagers appealed to

³³ “Delo o krest'yanine derevni Tregubovki, obvinyaemom v koldovstve” [Case of the peasant from the village of Tregubovka, charged of witchcraft]. F. 179, op. 639, d. 161, l. 12. TsANO.

³⁴ *Ibid.*, ll. 14 ob.–15.

³⁵ *Ibid.*, ll. 18 ob.–20.

Andrei Egin with a request to “lift the spell” from a relative, assuming that he was the cause of the disease and treated Egin with wine, which he never refused but did not cure them. The investigation lasted about three years, but no *corpus delicti* was found, so the proceedings were terminated. The materials of this case confirm our earlier idea that in the popular consciousness the disease was directly connected with the influence of evil forces. The protocols of interrogations recorded the peasants’ ideas about black magic as well as the speech formulas used for “casting an evil curse” and “lifting spells”, i.e. the process of removing “evil curses” and “banishing demons.” The materials of this case show that spells were used not only on the substances for oral administration but also on a person’s personal belongings. Apparently, any connection with a person – both external and internal – was important. It is not clear from the case whether Egin could have turned the village society against him with something else, but the fear and dislike of the villagers caused by the magical powers of the man are obvious.

Another way of using healing spells and “auxiliary” substances is an attempt to protect oneself with their help from troubles. The belief in sorcery and protective properties of incantations was widespread not only among the rural population but also in the military environment. The file compiled in 1737 by the Nizhniy Novgorod Spiritual Consistory based on the report from the elected headman of the village of Pomry (Alatyrskii Uyezd) addressed to Pitirim, Archbishop of Nizhniy Novgorod and Alatur contains information about a handwritten magic notebook of incantations in the possession of Andrei Alekseev, deacon of the village of Pomry.³⁶ In turn, Andrei Alekseev also sent a report to the consistory, where he repented of keeping this notebook and explained that the “written book of incantations,” which contained incantations “against all weapons,” had come to him from his deceased father-in-law. The text was written “as a prayer book in the invocation of the name of God, and nothing abhorrent to the devil was written in that book.”³⁷ The consciousness of ordinary people separated the appeal to “light” and “dark” forces, considering the former as an action corresponding to the Christian canons. This example points to the protective functions of incantations, which apparently consisted only in verbal formulas. Unfortunately, the fate of this deacon and the book of incantations is not clear from the case. However, it is known that the Nizhniy Novgorod Spiritual Consistory practiced burning such manuscripts.

³⁶ “Delo o naidennoi u d'yachka Andreyka Alekseeva volshebnoi knizhke” [Case of the magic book found in the possession of deacon Andrei Alekseev]. F. 570, op. 552, d. 302, l. 1–1 ob. TsANO.

³⁷ Ibid., l. 2–2 ob.

As an example of the attitude to witchcraft as a method of defense, which was spread in the urban environment in the second half of the 19th century, we can cite the case of 1872 heard in the Arzamas court.³⁸ Merchant's son Andrei Bystrov had close friendly relations with Mariya Ikonnikova, wife of the Arzamas merchant Vasily Alekseev Ikonnikov. Under oath, Andrei testified that there was no love affair between them, but they were in secret correspondence. However, Vasily Ikonnikov began to suspect something, and then Mariya asked Andrei to find some sorceress to turn her husband away from jealousy. Through an acquaintance of his, Bystrov appealed to Mar'ya Simatova, a commoner widow from Arzamas, with a request to make a remedy for turning one's husband away from jealousy. The sorceress took up the task. The following day Andrei received from her a root of some plant with the instruction that the wife carried it with her, two pieces of dried crust that she had to eat, and two powders. The first powder was yellowish and another one was greenish. The greenish powder was to be scattered about the room of the jealous husband, and the yellowish powder was to be given to him in six receptions with food or drink.³⁹ All this Bystrov left in a bundle on the porch of the Ikonnikovs' house, where it was discovered by the merchant's daughter and given to the father of the family. Vasily Alekseev Ikonnikov suspected an attempt of poisoning, for which he sent the powders to Rachinskii, a doctor in Arzamas, who found an arsenic impurity in one of them (the yellowish one). The merchant, who was not characterized by good health (of "scrofulous" physique), sent the contents of the convolution to the court.⁴⁰ During the investigation, a medical examination was conducted, which revealed that the green powder was ochre, and the yellow one really had an admixture of arsenic and was therefore harmful to health. During interrogations, Mar'ya Simatova admitted that she practiced sorcery and healing, but did not use poisons. However, during searches of the defendants in the case, harmful and poisonous substances were found only in the possession of the widow. In addition to ochre and calgan, arsenic and mercury chloride were found. Mar'ya Simatova was sentenced to imprisonment in the house of correction for one year. For another year after her release, she had to remain under police observation. This case is noteworthy because it concerned not the villagers, but the urban population, representatives of the merchants and bourgeoisie. The defendants tried to use herbal and chemical substances to protect themselves from their jealous husband, and it is

³⁸ "Delo o meshchanke Mar'e Simatovoi, obvinyayemoy v prigotovlenii i prodazhe mnimo volshebnykh napitkov i sredstv" [Case of commoner Mar'ya Simatova, accused of preparing and selling supposedly magical drinks and remedies]. F. 178, op. 95, d. 354, ll. 2–3 ob. TsANO.

³⁹ *Ibid.*, l. 3.

⁴⁰ *Ibid.*, l. 20–20 ob.

not known whether any incantations had been used on them or whether the use of these items by themselves was supposed to solve the problem. We still observe the attitude to medicinal practices in the folk environment as witchcraft, but it is clear that the state regarded such actions as fraud, and in sentencing considered not only damage to property (through fraudulent actions) but also possible harm to health. Dangerous potent and poisonous substances appeared as medicines in this case, which was the main argument in determining the punishment.

In our opinion, the lack of a developed health care system had a significant impact on the stability of sorcery practices in the folk environment and ideas about their connection with magic. According to statistical data collected during the provincial reform of 1775, in Nizhniy Novgorod Governorate consisting of 13 uyezds, there were only 13 doctors, 13 healers, 26 medical assistants or paramedics, and 26 medical students, i.e. one doctor, one healer and two assistants and medical students per uyezd.⁴¹ According to the statistical description of Nizhniy Novgorod Governorate in 1826, the situation changed to a certain degree. There was already one hospital and a pharmacy in each uyezd town. In the city of Nizhniy Novgorod there were seven hospitals and two pharmacies, one more hospital and one pharmacy worked at the fair.⁴² By 1872, the medical staff of the governorate had increased to 50 doctors, 13 of whom practiced in Nizhniy Novgorod, 9 in the uyezd towns, and 28 more in the uyezds. Among the uyezd doctors there were seven zemstvo doctors, one landowner's doctor and one doctor working for the mining industry. In addition, there were two doctors from the Ministry of Public Education, one from the Ministry of Communications, eleven free practitioners and five doctors who had no right to public service.⁴³ However, this increase in the number of doctors had only a very insignificant impact on the life and health of uyezd residents.

⁴¹ *Statistical Description of Nizhniy Novgorod Governorate, Consisting of Thirteen Uyezds, Namely: Nizhegorodskii, Gorbatovskii, Arzamasskii, Pochinkovskii, Ardatovskii, Lukoyanovskii, Sergachskii, Perevozskii, Knyagininskii, Vasil'evskii, Makar'evskii, Balakhninskii, and Semenovskii. Approved: In St Petersburg on September 6, 1779* [in Russian] (St Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1779), 7.

⁴² *Statistical Description of Nizhniy Novgorod Governorate, Compiled by Senior Teacher of the Local Gymnasium M. Dukhovskii* [in Russian] (Kazan: Pechatano v Universitetskoi tipografii, 1827), 29.

⁴³ *Review of Nizhniy Novgorod Governorate for 1872, Compiled by the Nizhniy Novgorod Governorate Statistical Commission* [in Russian] (Nizhniy Novgorod: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1872), 147–64.

Conclusion

The official attitude of the authorities to sorcery among the folk population is well traced in the extant texts of legislative monuments. In the period under study, it changed from condemning the very fact of such practices as a phenomenon associated with magical powers to treating them as witchcraft, as illegal medicinal practices and fraudulent actions that can cause damage to human health and property. This change can be explained by the ultimate establishment of the philosophical enlightenment doctrine during the reign of Catherine II. It treated magic as superstition and purposeful deception, i.e. fraud. According to E. Smilyanskaya, during the entire 18th century, “superstitions” were considered by the secular authorities as a set of harmful and even dangerous offenses rather than an important component of religious practices of the majority of subjects.⁴⁴ It should be noted, however, that the punishment regulated by law in the form of burning or flogging was rarely used in reality. No such cases have been found within Nizhniy Novgorod Governorate. Judging by the investigative practice of the first half – middle of the 18th century, the severity of punishment depended on the damage inflicted and the intent to gain some benefit, or on the combination of sorcery with another crime, for example, theft, unauthorized departure from the place of residence, or harboring fugitives. Already in Anna Ioannovna’s decree of 1737, witchdoctors and other “wizards” were simply called “pretended sorcerers.” This approach was ultimately confirmed in the Institutions for the Administration of Governorates. In the legislation of the 19th century, any “magic” was unambiguously interpreted as purposeful deception. At the same time, the wording of the charges continued to equate healing practices with bewitchment and witchcraft. Despite the changes in the legislative approach to “magic,” the attitude to “magical” practices, including those intended for healing other people or livestock, remained unchanged for quite a long period of time.

In the research literature there is an established tradition of classification of court cases on accusations of witchcraft, developed by E. Smilyanskaya.⁴⁵ The healing practices studied by us generally correspond to the existing classification and belong to healing magic. According to the studied materials, such practices can be divided into several types. First of all, this is healing practices, or folk medicine as such, i.e. an attempt to cure people or livestock with the help of natural remedies and special verbal formulas. However, in the popular consciousness, the possibility of cure was also associated with its reverse side, i.e. a means to harm, to cast an evil curse or even make a person ill. Actions aimed at harm, constitute the second type of sorcery

⁴⁴ Smilyanskaya, *Wizards. Blasphemers. Heretics*, 282.

⁴⁵ Smilyanskaya, *Wizards. Blasphemers. Heretics*, 48–158.

practices. The third type includes attempts to protect oneself from something or someone with the help of special means (special verbal formulas, special plants and other substances). Witchdoctors used incantations on water, wine, salt; they used natural and chemical substances, calgan, ochre, henbanes, nutmeg, ginger, frankincense, bear's claw, carp's tooth, green sulphur, cinnabar, mercuric chloride. They also used special verbal formulas, incantations or spells, in most cases representing an appeal to God and divine forces with a call for help from the disease. We have revealed that verbal formulas were also used to communicate with dark forces in order to plant or expel them from the human body. Such actions in the popular consciousness were associated with evil curse and harm to health. To bring such a curse into the body, salt, a look, or a person's personal belongings were used.

The studied materials make it possible to trace the most common illnesses spread among peasants, including fever, various types of hernias, gastrointestinal diseases, toothache, and venereal diseases. The healer could equally be male or female, in most cases of mature age, i.e. 35 years and above. Further research is required to draw more precise conclusions about the gender and age composition of folk healers.

The peculiarity of folk medicine is its stable connection with the magical and irrational powers in the public consciousness. In combination with the long history of healing practices in the folk environment, this gives grounds to say that there are contradictions between the enlightenment ideology reflected in the legislation and investigation materials of that time, and the folk worldview, which associated disease and healing with the supernatural powers, inexplicable from a logical point of view.

Список литературы

Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. Москва: Индрик, 2010. 824 с.

Горчаков М.И. Инквизиция в восточной церкви // Юридическая летопись. 1891. № 12. С. 491–504.

Есинов Г.В. Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского Приказа и Тайной Канцелярии. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1880. 445 с.

Канторович Я.А. Средневековые процессы о ведьмах. Москва: Книга, 1990. 221 с.

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. Санкт-Петербург: Типография К. Вульфа, 1860. 214 с.

Лавров А.С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. Москва: Древлехранилище, 2000. 575 с.

Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России / перевод с английского А.Л. Топоркова, З.Н. Исидоровой. Москва: Индрик, 2004. 216 с.

Новомбергский Н.Я. Врачебное строение в до-Петровской Руси. Томск: Паровая типо-литография Сибирского Товарищества Печатного Дела, 1907. 502 с.

Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом. Санкт-Петербург: Типография П.Ф. Пантелеева, 1904. 344 с.

Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / под редакцией А.Л. Топоркова, А.А. Турилова. Москва: Индрик, 2002. 584 с.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Москва: Книга, 1984. 192 с.

Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / составитель А.Л. Топорков. Москва: Индрик, 2010. 832 с.

Семевский М.И. Очерки и рассказы из русской истории. Слово и дело! 1700–1725. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1884. 382 с.

Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. Москва: Индрик, 2003. 464 с.

Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. Москва: Индрик, 2005. 480 с.

Шестеркина Н.В. Сакральный текст как лингвокультурный феномен // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 151–156.

In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 6 / составители Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Москва: Индрик, 2017. 344 с.

References

Agapkina, T.A. *Vostochnoslavjanskije lecebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii. Syuzhetika i obraz mira* [East Slavic healing spells in comparative light: Plots and the image of the world]. Moscow: Indrik, 2010. (In Russian)

Esipov, G.V. *Lyudi starogo veka. Rasskazy iz del Preobrazhenskogo prikaza i tajnoi kantselyarii* [People of the old century. Stories from the cases of the Preobrazhensky Prikaz and the Secret Chancellery]. St Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1880. (In Russian)

Gorchakov, M.I. "Inkvizitsiya v vostochnoi tserkvi" [Inquisition in the Eastern Church]. *Yuridicheskaya letopis'*, no. 12 (1891): 491–504. (In Russian)

In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema. Al'manakh. [In Umbra: Demonology as a semiotic system. Almanac], iss. 6, compiled by D.I. Antonov, and O.B. Khristoforova. Moscow: Indrik, 2017. (In Russian)

Kantorovich, Ya.A. *Srednevekovye protsessy o ved'makh* [Medieval witch trials]. Moscow: Kniga, 1990. (In Russian)

Kostomarov, N.I. *Ocherk domashnei zhizni i npravov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [Essay on the domestic life and customs of the Great Russian People in the 16th and 17th centuries]. St Petersburg: Tipografiya K. Vul'fa, 1860. (In Russian)

Lavrov, A.S. *Koldovstvo i religiya v Rossii 1700–1740 gg.* [Witchcraft and religion in Russia, 1700s–1740s]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2000. (In Russian)

Levin, I. *Dvoeverie i narodnaya religiya v istorii Rossii* [Dual faith and folk religion in the history of Russia], translated from English by A.L. Toporkov, and Z.N. Isidorova. Moscow: Indrik, 2004. (In Russian)

Novombergskii, N.Ya. *Vrachebnoe stroenie v dopetrovskoi Rusi* [Development of Medicine in pre-Petrine Rus']. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya Sibirskogo Tovarishchestva Pechatnogo Dela, 1907. (In Russian)

Orlov, M.A. *Istoriya snoshenii cheloveka s d'yavolom* [History of man's relations with the devil]. St Petersburg: Tipografiya P.F. Panteleeva, 1904. (In Russian)

Pokrovskii, N.N. *Puteshestvie za redkimi knigami* [Journeys to get rare books]. Moscow: Kniga, 1984. (In Russian)

Semevskii, M.I. *Ocherki i rasskazy iz russkoi istorii. Slovo i delo! 1700–1725* [Essays and stories from Russian history. Word and deed! 1700–1725]. St Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva, 1884. (In Russian)

Shesterkina, N.V. “Sakral'nyi tekst kak lingvokul'turnyi fenomen” [Sacral text as a linguocultural phenomenon]. *Filologiya i kul'tura*, no. 2 (2015) (40): 151–56. (In Russian)

Smilyanskaya, E.B. *Volshebnykh Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i “dukhovnye prestupleniya” v Rossii XVIII v.* [Wizards. Blasphemers. Heretics. Popular religiosity and “spiritual crimes” in eighteenth-century Russia]. Moscow: Indrik, 2003. (In Russian)

Toporkov, A.L. *Zagovory v russkoi rukopisnoi traditsii XV–XIX vv.: Istoriya, simbolika, poetika* [Spells in the Russian manuscript tradition of the 15th – 19th centuries: History, symbolism, poetics]. Moscow: Indrik, 2005. (In Russian)

Toporkov, A.L., and A.A. Turilov, eds. *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov* [Texts prohibited by the church in Russia of the 17th – 18th centuries]. Moscow: Indrik, 2002. (In Russian)

Toporkov, A.L., comp. *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoi poloviny XIX v. Sostavlenie* [Russian spells from the manuscript sources of the 17th – first half of the 19th century]. Moscow: Indrik, 2010. (In Russian)

Информация об авторах

Нина Владимировна Старикова – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и вспомогательных исторических дисциплин, <https://orcid.org/0000-0001-6631-0296>, ninast78@yandex.ru, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (д. 56, ул. Ульянова, 603005 Нижний Новгород, Россия).

Михаил Юрьевич Шляхов – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-4398-4391>, mik-shlyakhov@yandex.ru, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (д. 56, ул. Ульянова, 603005 Нижний Новгород, Россия).

Information about the authors

Nina V. Starikova – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History and Auxiliary Historical Disciplines, <https://orcid.org/0000-0001-6631-0296>, ninast78@yandex.ru, Nizhny Novgorod State Pedagogical University (1, ul. Ul'yanova, 603005 Nizhny Novgorod, Russia).

Mikhail Yu. Shlyakhov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-4398-4391>, mik-shlyakhov@yandex.ru, Nizhny Novgorod State Pedagogical University (1, ul. Ul'yanova, 603005 Nizhny Novgorod, Russia).

Заявленный вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: All authors made an equivalent contribution to the preparation of this publication. The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 19.12.2023; одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 02.02.2024.

The article was submitted 19.12.2023; approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 02.02.2024.